

ТЕРПИЛИАДА

**ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО
ГЕНРИХА ТЕРПИЛОВСКОГО**

ТерпИлиада. Жизнь и творчество Генриха Терпиловского

«Маматов»

2008

ТерпИлиада. Жизнь и творчество Генриха Терпиловского /
«Маматов», 2008

В книге, посвященной судьбе одного из основателей отечественного джаза, вводится в научный оборот немало уникальных материалов. Это и биографические сведения о Г. Р. Терпиловском, сопровождаемые богатым иллюстративным рядом. Это и воспоминания, письма, автографы многих музыкантов, таких как Дмитрий Шостакович, Леонид Утесов, Олег Лундстрем, Никита Богословский, Юрий Саульский... В сборник вошли художественно-документальная повесть о «последнем аристократе джаза» и главы из книги, которую писал сам композитор. Впервые публикуются и его литературные сочинения, стихи и критические эссе.

, 2008

© Маматов, 2008

Содержание

Часть I	6
Какая музыка звучала!	6
Крестник императора	12
О пользе звательного падежа	15
Трижды реабилитированный	20
В утесовском ореоле	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

ТерпИлиада. Жизнь и творчество Генриха Терпиловского *К 100-летию одного из «отцов отечественного джаза»*

© В. Ф. Гладышев, текст, составление, 2008

© ООО «Маматов», оформление, оригинал-макет, 2008

«Терпиловский – зачинатель нашего джаза. Для Перми он был живой историей и настоящей легендой. Мне все это очень интересно, кроме того, меня с ним связывала долгая личная дружба. Слишком поздно оценили его, конечно. Открыли мемориальную доску на доме (я как раз участвовал в том торжестве). Терпиловский был интеллигентнейшим и добрейшим человеком, очень остроумным. Он столько перенес и остался самим собой – это не каждому дано. Большинство сломались бы...»

Олег ЛУНДСТРЕМ

«Неужели уже шестьдесят? А для меня Вы тот же молодой милый, добрый, талантливый юноша. Так будьте здоровы и счастливы. (...) Как жаль, что Вы живете «на отшибе»! Пишите мне. Люблю Ваши письма. Знайте, что я Вас люблю и ценю. Всегда Ваш Л.О.У.»

Леонид УТЕСОВ

«...Отношусь к Вам с особой симпатией не только как к музыканту, но и как к подлинно интеллигентному человеку, что сейчас, к сожалению, среди нашего брата-музыканта встретить не так часто. А вообще есть мысль посвятить целый концерт музыке мастеров, которые начинали советский джаз, – в том числе и в первую очередь Вашей музыке».

Юрий САУЛЬСКИЙ

Часть I

Владимир Гладышев

Последний аристократ джаза

Какая музыка звучала!

...Успех концерта был полный, и музыканты резвились на обратном пути, как дети. В последнее время популярность этого молодежного джаз-оркестра из Ленинградского КРАМа (кинотеатра рабочей молодежи) заметно возросла. Произошло это потому, что директор кинотеатра делал все возможное, чтобы крамовский оркестр играл не только в фойе перед сеансами, но и на агитвыездах. Но главное – потому, что руководителем оркестра был назначен талантливый музыкант, пробовавший свои силы в композиции, Генрих Терпиловский. Ему удалось подобрать замечательный состав единомышленников. Принесла свои плоды и работа над репертуаром.

Генрих Терпиловский – молодой маэстро

На концерте, который они давали тогда, в феврале 1935 года, для конвойной воинской части, звучали пьесы, написанные специально для оркестра, мелодии из «Веселых ребят», «Трех товарищей» и других фильмов-новинок. До недавних пор «великий немой», как назы-

вали кинематограф, пользовался таперами. (Кто из нас не запомнил в роли таперши бесподобную Раневскую, наигрывающую на пианино, с папироской во рту!..)

Играли молодые музыканты и «Песни о старой реке» из популярной оперетты «Цветок Миссисипи», и еще несколько вещей из зарубежного вокального репертуара (за это тогда еще не преследовали). Как успешную премьеру можно было рассматривать исполнение «Блюза Моховой улицы», написанного для оркестра самим Терпиловским.

Слегка взбудораженные после выступления, оглушенные аплодисментами, оркестранты то и дело возвращались к концертным мгновениям, иные мелодии напевали, подыгрывая себе и дурачась.

— ...А как им понравился «Котенок на клавишах», а, ребята? Здорово!.. – вспомнил кто-то и тут же «сбацал», не обращая внимания на шум мотора и тряску.

Так беззаботно катили «ночные академики», пиршествуя на вершине успеха, ощущая себя не жертвами, но удачливыми охотниками за славой! Пьеса «Охота на тигров» также поднимала настроение и вызвала в зале оживление, хотя слушатель был особенный, с «заторможенной» эмоциональной реакцией – конвоиры все же... Примерно такая же публика была и на заводе имени ОГПУ, где пришлось недавно выступать молодежному джазу. Но тоже принимали хорошо. Уважительно.

«Банда» или джаз-банда?

Г. Терпиловский во 2-м ряду 2-й слева

КРАМ – это взлет!..

И проводили оркестр, что называется, с доставкой на дом. В распоряжение музыкантов был выделен... «воронка», служебный транспорт. Ребят не смущали, однако, даже решетки на окошечках автомобиля. А ведь шел 35-й, в декабре минувшего года был убит Киров, и по «кировскому делу» уже вовсю шли аресты, по городам начались «поиски черных кошек в темной комнате».

Но долговязый маэстро еще осмеливался шутить. Когда музыканты, к испуганному удивлению прохожих, шумно высаживались из «воронка» у освещенного кинотеатра на Садовой улице, остроумец Генрих отпустил шутку:

– Как хорошо, что это происходит с нами не туда, а оттуда!

Но вскоре все получилось как по писаному, как по тексту булгаковского романа «Мастер и Маргарита»: «Вдруг джаз развалился и затих, как будто кто-то хлопнул по нему кулаком».

Напророчил себе судьбу Терпиловский! В самом начале своей карьеры, так блестяще начинавшейся, композитор отправился именно «туда».

И на долгие-долгие девятнадцать лет оказался за колючей проволокой. Выстоять, выбраться «оттуда», из лагерей и ссылок, ему поможет некая «озорная сила», которую он всегда чувствовал в своей душе.

Крестник императора *Легенда о происхождении*

...Несколько лет мне не давала покоя фраза, брошенная пермским музыкантом, когда-то игравшим вместе с Терпиловским:

– Вы не знаете и никогда не узнаете, каким человеком был Генрих на самом деле. Совсем не тем, каким его пытаются ныне представить...

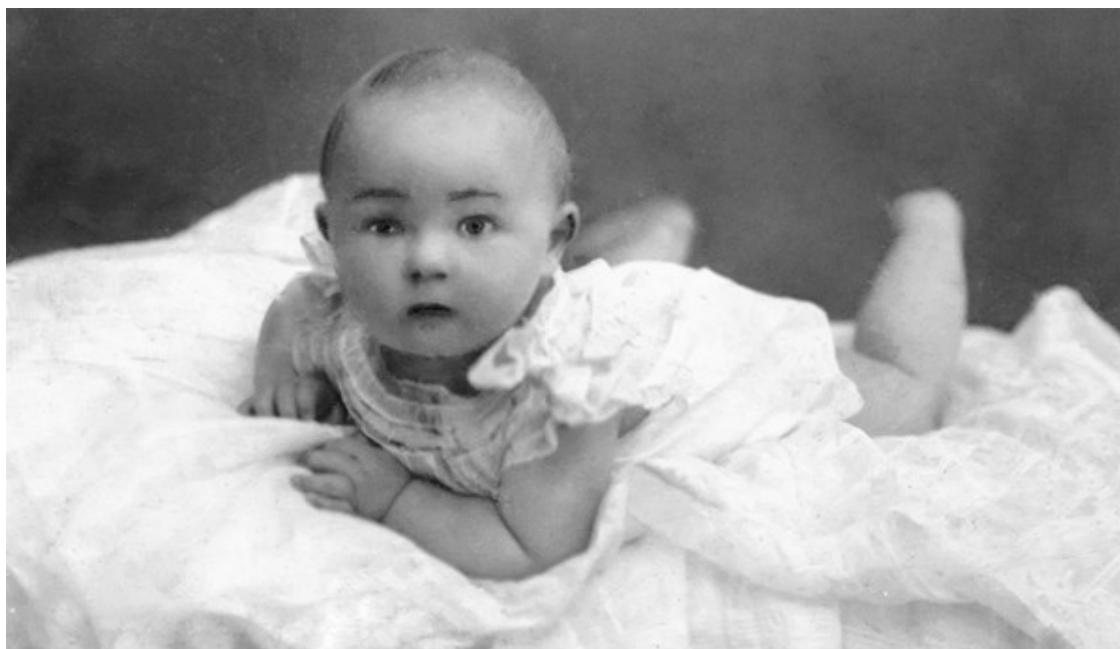
И ведь он оказался прав, тот загадочный «черный человек» (говоря есенинскими словами), подошедший ко мне после джем-сейшна в вечернем кафе. Да, личность Г. Р. Терпиловского, этого «пермского дон кихота», окружает немало легенд, выдумок и просто вздорных слухов и сплетен. И это при том, что есть документы, сохранились первоисточники (рукописи – и справки – не горят!), живы еще люди, когда-то знавшие его, игравшие с ним в одном оркестре.

Да и джазовые фестивали в Перми стали уже традицией, и, несмотря на то что зародилась эта традиция уже после смерти Генриха Романовича, у меломанов всегда возникало ощущение, что каждый из фестивалей – «Звездный дождь», «Джаз-ренессанс», «Джаз-лихорадка» – благословляет наш патриарх отечественного джаза.

Перед 90-летием Терпиловского в Перми появился фонд имени этого замечательного человека, почти сорок лет (за вычетом сроков ссылки) жившего в Перми.

Так не пора ли развеять хотя бы некоторые из мифов о нашем «многолетнем» земляке? И начать лучше всего с легенды о его происхождении...

Рассказывают иногда, что Терпиловский, потомок польских шляхтичей, жил в детстве в Новгородской губернии, в имении, владельцем которого был член императорской семьи. И что мальчик стал чуть ли не крестником самого царя-батюшки.

Он взглянул на мир доверчиво и любопытно

Не знаю, не знаю... Нам эту красивую историю Генрих Романович не рассказывал. В том, какой это был увлекательный рассказчик, я убеждался не раз, когда Терпиловский приходил к нам в редакцию газеты «Молодая гвардия». Это был надежный автор, по-старорежимному аккуратный, исполнительный и хорошо, нескучно пишущий. Сначала мне приходилось

общаться с ним в областной «молодежке», он был нашим нештатным музыкальным обозревателем, своими усилиями перетаскивал клуб «Нота», прописанный на газетных страницах, так сказать, из легкой или наилегчайшей весовой категории в среднюю. Позднее, перейдя в отдел культуры пермской «Вечерки» (газета «Вечерняя Пермь». – *Прим. ред.*), я встретил Генриха Романовича и там – уже в качестве «почетного рабкора», хотя писал-то он, конечно, на свои музыкальные, театральные темы. И беседовал с нами тоже об этом же. О жизни своей говорить избегал, это было заметно.

Про польские корни его я слышал, а вот про царя – крестного отца... В Новгородской губернии урожден был, кстати, и Сергей Дягилев, и тоже в семье офицера царской армии. Так он, представьте, говорил иногда, в узком кругу, что состоит в родстве с... Петром Первым. Думаю, не надо принимать всерьез эти веселые экскурсы в генеалогию.

Выпускной класс Ленинградской совтрудшколы, 1926 год.

Г. Терпиловский в 3-м ряду 4-й слева

У отца Генриха, ставшего полковником в годы Первой мировой, было два брата. Один – владелец копален, то есть шахт или каменоломен. У другого, тоже не бедного шляхтича, имелись свой ювелирный магазин, дома... Потом он влюбился, бросил семью из-за циркачки-франуженки. И вот этот авантюрист, этот дядька (для Генриха) Василий, говорят, позднее служил даже в ЧК!

Отец Генриха в ЧК не попал ни в какой роли. Он умер своей смертью, промучившись долгих четыре года после того, как вернулся с фронтов страшной империалистической бойни весь израненный. Этому волевому человеку сын посвятил позднее проникновенные строки в поэме «Мое лучистое виденье».

А мать Генриха Романовича, учительница, будет репрессирована в сталинские годы. Конечно, как «польская шпионка», работавшая на Пилсудского. Место ее мучений – в Карелии. А впрочем, важно ли где?

Арестовали Евгению Александровну 26 января 1933 года, и это был уже не первый, а последний «заход». Трясли семью Терпиловских и раньше. Аресты, обыски стали для них почти привычным делом при новой власти. Однажды семейные сбережения (уж какие они там были в семье?) спас сын Генри, спрятав их в пузырь для компрессов, на котором он лежал, сказавшись больным тифом.

Дело по обвинению гражданки Евтеевой-Терпиловской Евгении Александровны, 1886 г. р., урожденной в г. Новгороде, было отменено «за отсутствием состава преступления» только в 1957 году. Произошло это событие почти одновременно с реабилитацией ее сына. Но свою мать Генрих Терпиловский уже не увидит.

О пользе звательного падежа

Свидание с Польшей

В Польшу Генрих Романович всегда мечтал съездить, но его не пускали. А он знал, что там живет его двоюродный брат – Лех, Лешек. И когда в конце концов Терпиловский вырвался в Польскую Республику (тогда Народную), братья встретились. Случилось это долгожданное событие осенью 1975-го...

Оба они относились к «работникам культурного фронта», но, оказалось, во взглядах далеко не во всем сходились. Польский журналист и режиссер Терпиловский был меньшим демократом, чем советский композитор и музыкант Терпиловский!

Это впечатление странным образом подтвердилось много лет спустя, когда Пермь посетила советник по культуре посольства Польши пани Малгожата. Увидев фотографию Леха Терпиловского в сборнике очерков, выпущенном в Перми, она вдруг сказала, что знакома, встречалась с ним. И рассказ гостыи содержал некоторые подробности, проливавшие свет на отношения двух родственников, разделенных границей.

А затем из архива (той его части, что была увезена после смерти композитора в Москву) мне передали письма, написанные Лехом Терпиловским в Пермь. Приведу несколько фрагментов (в переводе М. В. Старцевой).

«Варшава, 7 июня 1987 г.

Дражайший господин Генрих.

Наконец-то хоть какое-то известие от тебя! Уж хотели звонить тебе, когда получили твое письмо – грустное, ностальгическое, горькое, это так. Но письмо твое свидетельствует, что хоть и неважно себя чувствуешь, но, однако, терпишь, потому что можешь писать как всегда, по-семейному, сердечно.

Ты переживаешь, что как раз теперь, в момент благоустройства нашего дома, не очень можешь быть полезен. А мы переживаем по другому поводу: что не можешь приехать, быть с нами, радоваться лично и вместе. Радоваться времени, проведенному с нами, разговорам, далеким прогулкам по Варшаве, как раньше... и ничего мы не можем посоветовать, и, как известно, самое горькое – это бессилие.

Из твоего письма понятно, как кардинально изменилось твое отношение к жизни, потому что даже в центры творческой работы не можешь ездить. Так что о более дальних путешествиях трудно говорить. Но даже если в чудеса не верим, то именно в это очень хотим верить. И у нас есть большая надежда, что хотя бы на неделю, может, приедешь, когда почувствуешь себя лучше. Как пристало Терпиловским, которым нет сносу. (Вариант русской поговорки: «Нашему роду нет переводу». – В. Г.)

Не пиши только, что ты превратился в «неинтересного деда» и «даже нормально разговаривать разучился». Это неправда! Никогда в это не поверим! Плохое самочувствие всегда подвигает на такие рефлексии, но ты сам знаешь, что никаким «дедом» никогда не будешь! Это не мы, это наша генеалогия!

У нас все в порядке. Много работы, театральной, писательской, выезды, фестивали. У меня тоже не самое крепкое здоровье, для меня также наступило время не самое ласковое: уже не молодой. Года идут, такова логика вещей... Готовлюсь к 40-летию творческой, jazz-овой деятельности... Целую тебя, думаем о тебе. Любящий тебя Лешек Терпиловский. P. S. Привет и поздравления жене».

Благодаря эффекту отражения мы узнаем из письма, о чем писал пермский композитор в Варшаву. В письме Леха поражает святая, непоколебимая уверенность автора в том, что они с братом принадлежат к замечательному роду, что за ними стоят предки, которыми можно и нужно гордиться, но и нельзя посрамить их. Крепкая родовая память отличала, как выясняется,

и пермского Терпиловского. В том же письме его польский брат просит выслать ему статью, которую написал о творчестве Генриха А. Баташев (с московским писателем А. Н. Баташевым читатель еще познакомится на страницах книги. В данном случае речь идет о его газетном очерке. Вырезку со статьей – ксерокса тогда еще не было – Терпиловский, разумеется, прислал, и польские джазисты зачитали ее). Лех также просит Генриха уточнить, какого рода отличие получил тот за свой «Марш милиции», а также за победу на музыкальном конкурсе в честь Московской Олимпиады-80.

«Варшава, 23.11.1987 г.

Дорогой наш Генрих, никаких известий от тебя, опять тревога о твоём здоровье, что-то не так.

В Гожуве, где я режиссировал (составлял программу), прошла Поморская джазовая осень, приехали гости – «Джаз-Джембори», наш общий знакомый Алексей Баташев рассказывал о встрече с тобой... У нас все было бы хорошо, если бы не болезни...

И это еще не все. Ситуация трудная. Балаган везде, все расслабились, грядет повышение цен, наступает как будто другой этап реформы. Не знаю, как справиться, нужно будет еще больше работать, чтобы как-то удержат уровень жизни. Теперь уже никуда не выезжаю. Хочу вылечиться, нарадоваться дому (после новоселья. – В. Г.) и заняться здоровьем Гражинки (супруги. – В. Г.).

Что у тебя, Генрих? Писал, что уже не выезжаешь даже в творческий центр, неужели так все плохо? А я надеялся, что ты еще приедешь к нам.

Вот так жизнь за нас все быстро решила. Слишком быстро. Напиши, дорогой, хотя бы два слова: что жив, думаешь о нас и помнишь.

Лешек Терпиловский.

Р. С. У меня тоже в театре сложности: уже люди не хотят работать как раньше, ленивы, упрямы, гнусны...»

Из переписки братьев узнаем, что не все польские весточки доходили до Перми. Когда Лешек ездил в творческую командировку на Кубу и в Мексику, он писал Генриху несколько раз, посылал и письма, и открытки. Дошло до адресата не все.

«...Получил ли ты открытку, в которой пишу тебе о запланированной поездке в Витебск с официальной государственной делегацией (как заместитель председателя Союза артистов польских театров теперь много езжу, представляю Союз, это бывает обременительно, но есть и свои положительные стороны)? Просил Алексея Баташева, чтобы он информировал тебя о моем приезде в Витебск... Очень бы хотелось с тобой встретиться, но даже будучи так близко, вроде бы в одной стране, очень это трудно организовать (о чем сам знаешь лучше меня)...

Как твоё здоровье? У нас все хорошо, у меня много работы, и театральной, писательской, много удовлетворения, но и препятствий одновременно (как это и бывает обычно в жизни). В сумме, однако, что-то там, похоже, изменилось, и в лучшую сторону. У Гражины тоже хорошо, работаем, зарабатываем, живем складно и мило. Кот Фраер (псевдоним «Подонки») тоже неплохо функционирует, шляется целые дни, уже не исчезает, привык к дому...

Вот коротко. Дорогой Генрих, заканчиваю, считаю, что какой-то контакт у нас должен получиться. Мы тебя обнимаем, крепко целуем.

Твой Лешек».

Это было последнее письмо из Варшавы, датировано оно 20 июля 1988 года. Последнего контакта на территории СССР у братьев так и не получилось.

Выяснилось, что в Польше про композитора Терпиловского, живущего в России, известно. Генрих Романович в свое время стал корреспондентом польского журнала

«Jazz» («Джаз»), единственного издания с таким профилем на весь тогдашний «соцлагерь». Писал он и в английский музыкальный журнал...

В конце 1970-х его приглашали на фестивали «Варшавская осень» и «Джаз-жембори» уже в качестве почетного гостя.

– Собственно, я о нем узнал из польского журнала, когда прочитал в 1957 году блестящую серию статей о российском джазе, – признается известный историк, точнее, даже «хроник-летописец» джаза, писатель Алексей Баташев. – Я посмотрел на подпись и подумал: надо найти этого «Хенрика Терпиловского». И нашел – через поляков! Потом мы встречались в разных местах. Запомнился фестиваль в Польше и конференция «Джазовый форум», на ней Генрих Романович сделал доклад, заинтересовавший многих, рассказывал нам о «джазовом рассвете» в Ленинграде, о встрече с утесовским оркестром...

Лешек и Гражина Терпиловские

Когда я общался с этим высоким, немножко сгорбленным человеком, меня удивляли его мягкая доброжелательность и оптимизм, и это несмотря на тяжелую жизнь! Какого-то нравственного, душевного надлома в нем не чувствовалось.

Малгожата Шняк, польский консул, у могилы Терпиловского (крайняя слева); рядом с гостьей – Мария Старцева, председатель Пермского центра польской культуры

Баташева очень задело высказывание одного из пермских джазменов, который вспомнил о Терпиловском примерно в таких словах: делать хороший джаз он-де уже не мог нам помочь, но и не мешал играть нашу музыку, за что – спасибо. Наверное, ничего удивительного в этой

реплике и нет: молодое поколение всегда жестоко по отношению к своим предшественникам. Алексей Николаевич, помню, помолчал, озадаченный, а после раздумья сказал:

– Как тут не вспомнить Монтеня, который считал, что хорошими людьми можно считать с уверенностью только крестьян и философов. Потому что все зло – от полуобразованности. Я бы не сказал о том джазмене, что он сам достоин уважения. Он многое упустил, будучи рядом с таким человеком, как Генрих Романович. «Не помогал...» Знаете, это как в байке про чудака, который сидел за роскошным общим столом, а насытившись, поблагодарил: «Спасибо, что не отравили». Судьба Терпиловского – повод задуматься и над своей судьбой, над судьбой всей страны... Ведь в нем жило – невидимо – целое поколение гордых людей, он берег их в памяти. Я бы сказал, для нас и для будущих поколений он больше даже человеческий символ, нежели музыкальный. Общечеловеческий, да!

Однажды Баташев отправил Генриху (он обращался к нему по имени) открытку, которая принесла важную весть:

«...Завершая свое длительное путешествие от Гожува Велькопольского, где я встретил кузена Леха Терпиловского в качестве театрального режиссера, расспрашивающего о тебе и передававшего массу пожеланий, до Иркутска, где неплохо было и ссыльным, и полякам; сея повсюду семена джаза со сцен и телеэкранов, я поздравляю своих милых много-терпиловских и очень-очень желаю, чтобы болезни не мучили их, а мне довелось бы еще побыть в их милом обществе».

При встрече в Перми, во время джаз-фестиваля, я показал гостю Перми эту открытку, попавшую мне в архиве Терпиловского. Баташев пораженно перечитал свой давний текст, состоявший из одной фразы.

С Генрихом Романовичем у Алексея Николаевича связано много незабываемых, ярких воспоминаний. Когда он приезжал в Пермь, то останавливался у своих друзей – «много-терпиловских», как он их называл.

– У поляков есть такое понятие – «родак». Вот и Лешек Терпиловский Генриху – родак. Поляки же очень чтят свои корни, не то что мы, русские: ни родных, ни соседей не желаем знать и помнить. Попав в беду, мы кричим: «Помогите!» У нас утрачен уже звательный падеж, то есть отучились звать. «Караул!» остался только, тюркизм, заимствование у татар. А у поляков есть слово «родаци!»

У нас обращение такого рода осталось, пожалуй, лишь в уголовной среде – «братки!» Не очень красивый пример. Но, думаю, это пройдет, и возвратится старинное: «Братушки!», «Матушка!»

Трижды реабилитированный *Легенда о шпионе дефензивы*

В жизни Генриха Терпиловского очень рано наступили ночи, когда хотелось выть от тоски и одиночества, кричать хоть «Родаци!», хоть «Матушка!»... В 1934 году молодой музыкант написал цикл песен на стихи негритянского поэта Ленгстона Хьюза (первая редакция).

«Я ведь очень одинок, Кроме как к себе, пойти куда? Полку я прибью под потолок, Положу печаль свою туда...»

Театр на зоне – своего рода музыкальная шарашка, игра в клетке.

Терпиловскому приходилось и писать музыку, и играть разные роли, даже ксендза

Время требовало жизнерадостной музыки, таков был социальный заказ. Все внешне складывалось у Генриха, только что окончившего Ленинградскую консерваторию по классу композиции (заочно, потому что уже работал по другой специальности, полученной... в сельскохозяйственном институте). Вскоре старший экономист одного из совхозных трестов Наркомснаба был переведен дирижером молодежного оркестра Ленинградского обкома комсомола; этот оркестр и работал в помещении кинотеатра. Трудоустроиться по склонности душевной помогло представление Союза композиторов. Однако руководителем оркестра КРАМа он побыл недолго.

«ЧК не дремлет», – говорили тогда. На отпрыска старинного шляхетского рода наехало страшное колесо ОСО – особого совещания. Как мы уже говорили, разворачивалось «кировское дело»...

В казахстанской ссылке

В 1935 году Генрих Терпиловский был сослан в Алма-Ату сроком на пять лет. Работал он там руководителем оркестра в кинотеатре «Алма-Ата». Но в 1937 году постановлением тройки

УНКВД по Алма-Атинской области был заключен в исправительно-трудовые лагеря сроком на десять лет.

Отметим здесь один важный момент. В молодости Терпиловский еще пытался как-то приспособиться, «встроиться» в социалистическую действительность. Его настроение тех лет можно сравнить с тем, что пытался выразить Борис Пастернак в своих патетических (но опять же искренних!) виршах во славу партии и правительства. Или друг детства Дмитрий Шостакович, у которого также есть, к примеру, заказной вокальный цикл «Из еврейской народной поэзии», про счастье жить в колхозе и пр. Вот и наш герой пытался одно время разглядеть в чекистах личности. (Вполне вероятно, что даже встречал таковых.) И в поэме Терпиловского «Где кончается Дальний Восток» мы можем прочесть поразительные строки: про стальное племя людей, не знавших слова «страх», чьи «планы смелы, мысли чисты, и имя было им – чекисты». Это написано в 1940 году...

Срок свой он отбыл полностью и после освобождения вновь работал по дирижерской специальности: с 1947 до 1949 года – в городе Грозном, с 1949 года – в Молотове (Перми). Но здесь он был опять арестован! И – новая ссылка, в Красноярский край...

Последняя судимость, в Молотове, самая краткосрочная и самая анекдотичная, если смотреть с нынешних позиций. Терпиловский сгорел тогда в «очаге культуры»...

История эта казалась сначала настолько неправдоподобной, что невольно подумалось: присочинили что-то вспоминающие. Но нет, все так и было.

Опереточные разбойники.

На снимке есть надпись: «Генриху в знак памяти о далеких каторжных днях.

Славная, могучая кучка. 25 марта 1969 г.» (Подпись неразборчива).

Г. Терпиловский (крайний слева) во время второго срока на Дальнем Востоке

В мирное послевоенное время, после тяжких лет испытаний и мытарств чета Терпиловских перебралась из Грозного на Урал. Генрих Романович неплохо устроился, руководил оркестром клуба имени Сталина. Там вот его и взяли, прямо во время репетиции, спустя всего полгода после приезда.

Жена Терпиловского Нина Георгиевна вспоминала:

– Двое молодых людей пришли к нам на квартиру вместе с Генри, начался обыск. Вышли тоже вместе с ним, делая вид, будто гуляют с другом. «Прогулка» кончилась тюрьмой, а затем ссылкой. И все из-за дурацкого доноса: якобы Терпиловский во время своей игры на рояле передавал условными знаками секретную информацию о заводе агентам, находившимся в зале. Ну, глупость, да? Но нашлись даже «свидетели», люди, поверившие в эту глупость, нашедшие подозрительным поведение музыканта. Не мог помочь нам и казавшийся всемогущим директор завода Солдатов, который всегда поддерживал оркестр...

Генрих Терпиловский.

Рис. Г. Вяткина.

(После второго лагерного срока от цветущего мужчины остались кожа да кости)

Необходимое отступление. Много позже, в 1966 году, поздравляя оркестрантов с 25-летием коллектива, пенсионер союзного значения Анатолий Григорьевич Солдатов писал:

«...Я всегда был глубоко заинтересован вашей деятельностью, искренне желал вам самых больших успехов. За эти годы вы проделали на заводе огромную просветительскую работу, вы приобщили к музыке тысячи молодых людей и украсили жизнь всего коллектива завода».

Тем не менее главного «украшателя», Генриха Терпиловского, отправили опять в Сибирь... Солдатов был искренен, но не всемогущ.

Глупость-то глупостью, но тогдашняя политическая спецслужба СССР мыслила и действовала в духе своего времени. И даже была не оригинальна! В старой американской картине про «Джорджа из Динки-джаза» немецкий шпион пробирается в США, устраивается в тамошний джаз-бэнд и занимается... именно тем, в чем обвинили Генриха Терпиловского в далеком Молотове.

В своей автобиографии (см. *Часть 2*) – и на это нельзя не обратить внимания – композитор скуп, без выражения и без выражений говорит о годах преследований. Довоенная ссылка

в Казахстан в 1935-м, можно подумать, для него началась как прогулка – путешествие по солнечной республике за казенный счет. А между тем срок свой лагерный в 1937-м молодой композитор получил после отказа быть стукачом!

Г. Терпиловский (в центре) снова «на взлетной полосе»

Таким было начало великой ТерпИлиады.

Красное колесо наехало и на него. Здесь надо искать секрет многолетней сдержанности, молчаливости Генриха Романовича при разговорах о прожитом. В книжечке афоризмов Бертольда Брехта (на польском языке, Терпиловский вывез ее из Польши) им подчеркнуто такое высказывание драматурга:

«Глядишь, доживем до того времени, когда не надо будет озираться, подобно заговорщикам, говоря, что дважды два – четыре...»

В утесовском ореоле

Легенда о Л. О. У

Настоящий джентльмен! Таков был этот человек, воспитанный в благородном семействе: мать – учительница, отец – слуга царю, офицер-артиллерист... Олег Лундстрем в беседе с автором о Терпиловском упомянул замечательный фильм «Веселые ребята», связав этот славный период с началом своей творческой биографии. А мне вспомнились рассказы самого Генриха Романовича: о том, как он сотрудничал с Утесовым, как спорил с ним, и это были творческие разногласия, они были молоды, но сомнений у обоих – хоть отбавляй! Как играл вместе с утесовскими веселыми ребятами, как ничего не жалели друг для друга, щедро делились заготовками, идеями.

Леонид Утесов

Джентльмен! – чего не сделаешь ради успеха общего дела, во имя джаза. С утесовским оркестром связана и другая почти невероятная история, которая, однако, случилась на самом деле.

В 1942 году утесовцы были на гастролях в Сибири. Время военное, суровое, как известно, но к коллективу власти были особо расположены. И Леонид Утесов воспользовался этим, решив поддержать своего коллегу, «загремевшего» в лагерь. Потребовалось распоряжение «самого-самого», чтобы заключенного композитора «прикомандировать» на время к оркестру. Терпиловского по этому случаю придели, подкормили. Сохранилась фотография, на которой он снят с друзьями (правда, почему-то без Утесова) – Дидерихс, Котлярский, Узинг, Кандат...

О том, как в годы войны утесовцы встречались с Терпиловским, когда тот отбывал срок в лагере, Генрих Романович рассказывал только своим близким знакомым и друзьям. Вспоминает один из них, скульптор Михаил Футлик:

– Сохранилась фотография, сделанная на память о той встрече в 1942 году. На ней музыканты оркестра О. Кандат, А. Узинг, А. Дидерихс (сын известного в Петербурге фабриканта роялей), А. Котлярский. И с ними – молодой голубоглазый Генрих.

Место действия – лагерь в городе под названием Свободный. Здесь временно остановился поезд с оркестром Л. Утесова, направлявшийся на гастроли в сторону Владивостока. Музыканты отцепили свой вагон от состава и заявили начальнику лагеря, что никуда отсюда не уедут, пока не встретятся с Терпиловским. Встреча состоялась. Г. Р. рассказывал, что это было до слез трогательно. Каждый из встречавших дарил ему красную гвоздику. Откуда взялись гвоздики зимой? Военной зимой! Вопрос.

*Самая незабываемая встреча: утесовцы с Терпиловским в г. Свободном
(Генрих Романович в центре)*

Где был сам Утесов в тот момент, когда делался этот легендарный снимок, – тоже вопрос. Может быть, утрясал еще какие-то формальности с высоким лагерным начальством?

Позднее, в 1951 году, когда Генрих Романович вновь оказался в неволе (в ссылке, в 50 километрах восточнее Красноярска), утесовцы еще раз поддержали товарища, прислав ему аккордеон, который не только скрашивал жизнь Терпиловскому, но нередко, по воспоминаниям вдовы Генриха Романовича, и спасал его. На концертах, которые устраивало лагерное начальство, он аккомпанировал Нине Георгиевне (она выступала как певица), только тогда они и встречались... Естественно, упоминать фамилию Терпиловского запрещалось.

А музыка Терпиловского – звучала! И не только джазовые сочинения. В годы войны на Дальнем Востоке, в филиале Хабаровского театра, шли его оперетты «Девушка-гусар» и «Я вам пишу». Почему только на Востоке – думаю, не требует объяснений.

Когда-нибудь о Терпиловском снимут хороший художественный фильм (документальные киноработы о Генрихе Романовиче уже есть). До недавнего времени образ его проходил как будто вторым планом – в том числе и в кино. В 2006 году состоялась премьера телесериала о Леониде Утесове, народном артисте СССР. Есть там примечательный эпизод, когда руководитель оркестра Утесов во время гастролей по Сибири пытается освободить из лагеря своего музыканта, который «загрел» из-за своей подозрительной национальности. А уже шла война. Жизнь очень усложнилась. Помимо пресловутой «пятой графы» прибавилось немало других пунктов, из-за которых можно было попасть под подозрение. И все-таки с помощью высокого начальства (Утесову благоволил сам Сталин) Леонид Осипович добывается своего: музыканта освобождают.

Фамилия освобожденного в фильме звучит другая, немецкая, но те, кто знает историю, догадываются, что речь вполне могла идти и о Генрихе Терпиловском – потому как история-то очень характерная и для Утесова с его характером, и в целом для того непростого времени.

Отношения Генриха Терпиловского с Леонидом Утесовым – это вообще история загадочная и до конца не изученная. Начиналось все прекрасно. Было время, когда восторженный романтичный Генрих мог выразить свои чувства не только в музыке, но и в стихах.

...Это тоже перл создання,
Он и радует ваш глаз,
И чарует ваши уши,
Знаменитый теа-джаз
Джека Хилтона. Пусть души
Затверделые твердят
Про джаз-банд что им угодно!..

Это из поэмы «Незнакомка из «Савоя».

Утесовский оркестр, быстро ставший популярным, появился 8 марта 1929 года. Утесов пригласил Терпиловского поработать аранжировщиком, когда создал свой «Теа-джаз». Но сотрудничества не получилось, потому что у двух одаренных людей начались творческие разногласия. «Мне казалось, – писал позже Генрих Романович об Утесове, – что он уводит оркестр от чистого джаза. Он же считал, что мы, джазисты, «ковыряемся» в слишком узком кругу музыкальных проблем, пренебрегая интересами широкой аудитории».

Время показало, что каждый из полемистов был в чем-то прав, а в чем-то ошибался... Генрих Романович впоследствии признавал, что утесовцы сделали шаг вперед, породив «сплав джаза с народными мотивами и даже с классикой».

«В отличие от своих предшественников, – писал Терпиловский, – Утесов начисто избавился от нотных пультов, и предводимая им девятка играла весело, непринужденно, комично. Театрализация джаза наконец-то осуществилась. В полной мере. В программу оркестра были впервые введены элементы танцев, пантомимы... Декорации меняли мгновенно...»

И что интересно – ни одной советской массовой песни! Они появятся в репертуаре Утесова позднее.

Во время работы в Перми Генрих Терпиловский частенько включал в программу своего оркестра произведения из утесовского репертуара. Леонид Осипович лестно отзывался о пермском оркестре. Бывал «шеф» и в гостях у Терпиловских. Переписка двух музыкантов (хранится в архиве автора этих строк) доносит до нас немало интереснейших подробностей как развития джаза, так и взаимоотношений талантливых личностей.

Что-то явно менялось со временем в этих отношениях. Это отражается даже в подписях.

Утесов обычно подписывал свои письма и открытки инициалами «Л. О. У.», «Всегда Ваш...». Они всегда были на «вы», несмотря на многолетнее, с юности, знакомство.

В последние годы мэтр советской эстрады все чаще стал подписываться, упоминая звание: «Народный артист СССР». Иногда писал на официальных бланках.

М И Н И С Т Е Р С Т В О С В Я З И С С С Р

Ф. ТГ-12

ТЕЛЕГРАММА

ПРИЕМ го. час. мин. Бл. № 89 Принял: _____	ПЕРЕДАЧА: го. час. мин. № связи _____ Передал: _____	Адрес: ПИСЬМО ТЕЛЕГРАММА ПЕРМЬ ТЕАТР ОПЕРЫ И БАЛЕТА ГЕНРИХУ ТЕРПИЛОВСКОМУ=
Из МОСКВЫ 6/3601 36 8 1815 _____ сл. _____ го _____ час. _____ мин.		_____ _____ _____
Служебные отметки:		
<p>НЕУЖЕЛИ УЖЕ ШЕСТЬДЕСЯТ А ДЛЯ МЕНЯ ВЫ ТОТ ЖЕ МОЛОДОЙ</p> <p>МИЛЫЙ ДОБРЫЙ ТАЛАНТЛИВЫЙ ЮНОША ТАК БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ</p> <p>И СЧАСТЛИВЫ ОБНИМАЮ ВАС=ЛЕОНИД УТЕСОВ НАРОДНЫЙ</p> <p>АРТИСТ СОВЕТСКОГО СОЮЗА=</p>		

Член Правления ЦДРИ

Народный артист РСФСР

Леонид Осипович

УТЕСОВ

Смоленская-Сенная, 4/1
Краснопрудная, 24, кв. 69

Тел. Т-1-65-05

195 г.

Милый Генрих!

В подешуи, - я мисадем.
Зели ба я небел лентей,
то наймсаи ба много.
Для меня даме написадь
мевна - великий труд.
Хесно вашу получил
завно, но отлагаю с
отсдашем. Хорошая
пись. Насадараше
использовать.

Крепко жму руку и
люблю вас.

Ваш Леонид
Л. О. У.

В одной из поздравительных телеграмм Леонид Осипович пишет своему другу:

«Неужели уже шестьдесят а для меня вы тот же молодой милый добрый талантливый юноша так будьте здоровы и счастливы...».

Из Перми на московские адреса Утесова порой приходили статьи, сочинения самого Терпиловского (однажды даже романс на слова Утесова), а то и переводы из иностранных журналов, сделанные Генрихом Романовичем, – он же был полиглотом.

Московский друг не знает, как благодарить:

«Вы прелесть, такое внимание. Так поступают только добрые и хорошо воспитанные люди... Спасибо Вам за эти чудесные качества, столь редкие в наше время. Как жаль, что Вы живете «на отшибе»!

Пишите мне. Люблю Ваши письма. На меня не злитесь за короткие ответы. Иначе не умею. Знайте, что я Вас люблю и ценю. Всегда Ваш Л. О. У.»

Дружбу эту омрачало, пожалуй, одно обстоятельство. У Генриха Романовича, действительно очень тактичного и чуткого человека, были в среде джазистов и другие знакомства, в том числе очень давние. Он старался поддерживать хорошие отношения и с теми своими приятелями, которые были обижены на Утесова в силу разных причин. Один из них, музыкант Виктор Н., в пространном послании описывает Генриху Романовичу прегрешения своего «бывшего патрона» (Утесова):

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.